

ФИЛОЛОГИЯ

УДК: 811.112.2'367

Ж. К. Гух

Различия в семантике сложных глагольных структур с маркированным и немаркированным инфинитивом в современном немецком языке

*Противопоставление сложных глагольных структур с немаркированным и маркированным инфинитивом идет по дихотомии «статичность/ процессуальность — сознательная акциональность». В первом виде структур субъект предстает как пассивное или псевдоактивное существо (в частности, человек в ипостаси 'человек как тело'), во втором — как активно и сознательно действующее, целеполагающее существо с интенциями, волей, умом, эмоциями, речью (в частности, человек в ипостаси 'человек как дух'). В структурах с *zu* акцент делается на зависимости инфинитивной пропозиции от волевых усилий и желаний субъекта/говорящего, в то время как компонент «волевое/ интенциональное участие субъекта/говорящего» в структурах без *zu* не предусмотрен.*

Ключевые слова: *сложные глагольные структуры, инфинитив с *zu* и без *zu*, статичность, процессуальность, сознательная акциональность.*

Gukh Zh. K. Differences in the Semantics of Complex Verbal Structures with Marked and Unmarked Infinitive in Modern German

*The article deals with complex verbal structures with/without *zu* in German in diachronic and synchronic aspects. It is described in short what points of view on the object in historical grammars and etymological dictionaries there are,*

what the concept «man» in semantic research/surveys means. Much attention is given to semantic interpretation of complex verbal structures with/without zu. The main conclusion is drawn that differences in the semantics of complex verbal structures with marked and unmarked infinitive are based on the dichotomy «static character /process — intentional action».

Keywords: *complex verbal structures, infinitive with/without zu, static character, process, intentional action.*

Под сложными глагольными структурами в данной статье понимаются биформантные образования с глаголом в личной форме в качестве стержневого глагола и с прямо или опосредованно зависящим от него инфинитивом с/без zu. В количественном отношении сочетания с немаркированным инфинитивом значительно уступают сочетаниям, имеющим частицу zu. В качестве стержневых глаголов в них могут выступать достаточно гетерогенные в семантическом отношении sein, bleiben, werden, können, dürfen, müssen, sollen, wollen, mögen, tun, kommen, gehen (модель Vfin+Inf), haben, sehen, hören, fühlen, spüren, finden, lassen, heißen, schicken, machen (модель Vfin+Akk+Inf). Поиску общего знаменателя для сложных глагольных структур с простым инфинитивом в противопоставлении таковым с отмеченным и выяснению особого вклада zu в семантику глагольных образований и посвящена настоящая работа.

Из истории вопроса. В древних германских языках простой (голый) инфинитив отличался более широкой областью применения. Во-первых, как в древневерхненемецком, так и в готском он употреблялся после глаголов, обозначающих «направление на деятельность, вследствие чего инфинитив указывает не на факт, а на нечто представленное, будущее» («die Richtung auf eine Tätigkeit, so daß der Infinitiv nicht auf eine Tatsache, sondern auf etwas Vorgestelltes, Zukünftiges hinweist») [15, s. 115]: *gom.* mag, scal, þarf (претерито-презентные); *wiljan*, *ganiman* «lernen», *biarbaidjan* «streben nach», *wait*, *duginnan*; *ðvn.* gëron «begehren», *zilôn* «streben», *îlen* «eilen», *denken*, *lërnên*; *свн.* *swern*, *geloben*, *pflëgen*. Во-вторых, расширение сферы немаркированного инфинитива произошло благодаря вытеснению причастия1. С самого начала инфинитив конкурировал с причастием1 и в конце концов занял его место после глаголов восприятия (*hören*, *sehen*), *finden*, *lassen*, *tun*, *machen*, *werden*, *bleiben*, в нововверхненемецком — в конструкции *haben+Akk+Inf* [7, s. 104].

Первоначальное отличие V_{fin}+Infinitiv от V_{fin}+zu+Infinitiv авторы исторических грамматик видят в более тесной связи между управляющим финитным глаголом и инфинитивом в первом случае. Инфинитив в качестве дополнения к V_{fin} утверждался в большей степени там, где «... теснее была связь со спрягаемой формой глагола, а связь тесная там, где значение финитного глагола нуждается в дополнении» [7, s. 101]. И наоборот, инфинитив с zu обозначал более свободную связь, служил более детальному определению (nur zur näheren Bestimmung), а не в качестве дополнения финитного глагола (nicht zur Ergänzung) [15, s. 125, также 14, s. 773]. Упоминается, что V_{fin}+Akk+Infinitiv (в качестве V_{fin}, например, глаголы восприятия) ощущается как единство, там же, где более тесной воспринимается связь финитного глагола с именным компонентом в аккумулятиве, чем с инфинитивом (например, после bitten на месте первого компонента), появился zu.

Тем не менее в литературе подчеркивается, что четкой дифференциации значения не было. Поэтому в немецком языке маркированный инфинитив с самого начала чаще появляется в качестве необходимого дополнения управляющего глагола и постепенно ограничивает в этой функции голый инфинитив [15, s. 126]. Так, при некоторых глаголах рано наступила конкуренция инфинитива с zu и без zu без первоначального различия между обеими конструкциями: при *beginnan, denken, gangan* уже в двн. период, *pflügen, îlen* — в свн. период в результате борьбы верх одержал маркированный инфинитив.

Несомненно, приинфинитивный zu и предлог zu должны иметь общую природу. По данным словаря Г. Пауля, предлог zu чаще используется в значении «движение к точке», что схематично можно представить как $\rightarrow \bullet$ (*komm zu mir, zur Schule gehen*). При этом значение имеет именно сам вектор. Поскольку достижение данной точки иррелевантно, zu становится абстрактным обозначением направления, в котором нечто движется (*zu einem sprechen, sich zu einem wenden*). И лишь из этого значения развивается новое: маркировка действительно достигнутой или желанной цели какой-либо деятельности (*ich tue / sage das zu deiner Beruhigung, zu meiner Erholung*) [14, s. 773]. Согласно грамматике Дуден, предлог zu обозначает намеренное, целенаправленное движение к какой-либо цели [10, s. 834].

На основании этих данных можно предположить следующее:

1) приинфинитивному zu свойственна идея направленности, т. е. zu сигнализирует о направленности обозначаемых стержневым глаголом внутренних действий (желаний, мыслей и т. п., но не физического движения) на процесс, представленный инфинитивом;

2) в диахроническом аспекте произошел сдвиг в семантической структуре сложных глагольных структур (СГС) с/без zu:

СГС с немаркированным инфинитивом	СГС с маркированным инфинитивом
<p>Раньше: сема '+направленность на деятельность как нечто предостоящее' в лексическом значении стержневого глагола, т. е. более тесная связь стержневого глагола и инфинитива как его дополнения.</p> <p>Сейчас: сема '-направленность' (= '-векторность')</p>	<p>Раньше: «самодостаточность» стержневого глагола, т. е. более свободная связь стержневого глагола и инфинитива; zu-Inf. — более детальное определение финитного глагола.</p> <p>Сейчас: сема '+направленность' ('+векторность') в лексическом значении стержневого глагола</p>

«Человек» в семантических исследованиях. Поскольку сложные глагольные структуры отличаются достаточно антропоцентричным характером (в качестве субъекта при них часто выступает человек), получить более ясную картину об интересующем нас вопросе можно, на наш взгляд, учитывая результаты концептуально-семантических исследований, отличающие работы А. Вежбицкой, Ю. С. Степанова и Ю. Д. Апресяна. Так, говоря словами Ю. С. Степанова, «в современных семантических исследованиях установлено, что под понятием «человек», под одним и тем же именем существительным, означающим человека вообще или человека в каком-либо его проявлении ('воин', 'муж'), могут скрываться две различные семантические сущности: 'человек как тело' (тело человека) и 'человек как тело и дух' (подлинно активная сущность)» [5, с. 41]. Опираясь при рассмотрении (прото)индоевропейского предложения на работы А. Вежбицкой, Ю. С. Степанов приходит к выводу, что лексемы, означающие действие, относятся к человеку как активной сущности в смысле 'человек как тело и дух': «Человек садится, ложится, встает» означает 'Человек (как тело и дух) каузирует сесть свое те-

ло'. Но, означая результат действия, состояние, они относятся к человеку как неактивной сущности, как к 'телу': «Человек сидит» означает 'Тело человека сидит'. Эти семантические различия были синтаксически значимы и находили отражение в индоевропейской глагольной грамматике [Там же].

На существенность дихотомии 'тело' — 'дух' указывает в своих работах и Ю. Д. Апресян. В наивной картине человека он выделяет 8 основных систем, объединяемых в *два крупных класса*: 1) системы, связанные прежде всего с деятельностью человеческого *тела*: сюда относятся системы восприятия (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание), физиологического состояния (голод, боль, нужда), физиологической реакции на внутренние или внешние воздействия (бледность, краска, жар, холод), физические действия и деятельность (работать, идти, отдыхать, стоять, лежать) и 2) системы, связанные прежде всего с деятельностью человеческого *духа*: сюда относятся желания (хотеть, стремиться, вынуждать, искушать), мышление и интеллектуальная деятельность (считать, полагать; понимать; знать, ведать; воображать), эмоции (бояться, радоваться, любить, сердиться) и речь (сообщать, обещать, просить, запрещать) [2, с. 352—365]. Отметим, что системы представлены в порядке нарастания сложности (наименее простой и, как следствие, наиболее автономной является система восприятия), взаимодействуют с другими системами (в наибольшей степени взаимодействуют с другими системами человека эмоции и речь как наиболее сложные и одновременно наименее автономные) и определенные системы из первого класса могут сближаться с определенными системами из второго (сближаясь, две системы могут образовывать парные классы, например восприятие и интеллект, что отражается, к примеру, в способности основных глаголов восприятия развивать главные ментальные значения) [Там же].

Семантическая характеристика сложных глагольных структур с неотмеченным и отмеченным инфинитивом. Учитывая все сказанное, вернемся к анализу интересующего нас явления. Часть глаголов, выступающих в качестве ядерных в структуре, имеет статический характер (*sein, bleiben, haben*, глаголы восприятия, модальные глаголы). Остановимся поподробнее на некоторых из них.

Глаголы *восприятия* статичны по своей природе и, как справедливо считает П. Айзенберг, обозначают, в первую очередь, связь между воспринимающим субъектом и независимым от него положением дел. При реализации их основного конкретного значения — сенсорное восприятие — в сочетании с *accusativus cum infinitivo* достигается разграничение воспринимающего субъекта и воспринимаемой ситуации [11, s. 41]. При абстрактном значении — интеллектуальное восприятие — поведение данных глаголов меняется: они, по убеждению П. Айзенберга, способны присоединять инфинитив с *zu*:

Karl sieht, von Emilie hereingelegt worden zu sein.

Erich spürt, dies nicht mehr lange durchhalten zu können [11, s. 44].

Известный германист объясняет эту возможность тем, что интеллектуальное восприятие, в отличие от чувственного, не привязано к разграничению субъекта и воспринимаемой ситуации. В приведенных примерах глаголы приобретают значения полагания, мнения и синонимичны *glauben, annehmen, meinen, vermuten*, допускающим после себя маркированный инфинитив.

Показательно, что после глагола *wissen* в значении «знать», но не «уметь, мочь» (имплицитующем компонент интенциональности), в противоположность вышеперечисленным глаголам, возможно только придаточное предложение, но не инфинитивная конструкция. Восходя к индоевропейскому корню **uoida* ‘ich habe gesehen, ich weiß’ (перфект глагольного корня **id-* sehen) [13, s. 431], он сильнее соотносится с чувственным опытом и, таким образом, в синхронии сохраняет что-то от значения своего этимона.

Модальные глаголы вышли из особой группы претерито-презентных, содержащей «исключительно глаголы субъективно-го состояния, отношения, настроения, но не действия» [3, с. 213]. Претерито-презентные глаголы восходят к индогерманским формам перфекта. Следовательно, их реляциональную семантику можно описать как «состояние одушевленного субъекта, обусловленное чем-то предыдущим»: *kan* подразумевает предшествующую встречу/знакомство с чем-либо, ср. также *scal* — «являюсь должником, виновным», *tharf* — «нуждаюсь, страдаю».

Шаг от претерито-презентных к модальным в литературе связывается с присоединением инфинитивного компонента [8, s. 364]. Но в типичном случае модальный глагол обозначает внутреннее состо-

яние субъекта (общее с претерито-презентными), обусловленное неким модальным источником [1, с. 155]. Модальный источник в предложении не специфицирован, поскольку находится вне валентностной рамки модальных глаголов (к примеру, для *dürfen* и *sollen* — это дающий разрешение или задание/распоряжение). Поэтому состояние субъекта при модальных глаголах в прототипических случаях можно представить как «состояние, возникшее в результате получения директивы (конкретной или абстрактной) выполнить некое действие (*Zustand des Direktive-Bekommen-Habens*)» [8, s. 163]. Итак, статичность модальных глаголов — бесспорный аргумент в пользу отсутствия *zu* перед инфинитивом.

Аспектуальная семантика другой части глаголов, использующихся в сочетаниях без приинфинитивного *zu* (*werden*, *kommen*, *gehen*), содержит идею движения по направлению к какой-то цели в абстрактном смысле, иначе говоря, процессуальность, но субъект с ними инактивен, или псевдоактивен, и если это человек, то он проявляется 'как тело', носитель этой инактивности.

Рассматривая второй из четырех главных типов протоиндоевропейского предложения (активный субъект (человек или подобное ему) + активный глагол: 'Человек идет,' 'Ветер дует.') Ю. С. Степанов приводит удачное, на его взгляд, наблюдение Э. Бенвениста, что в индоевропейских языках 'быть', так же как 'идти' и 'течь', представляют собой процесс, участие субъекта в котором не обязательно (курсив наш. — Г. Ж.). В самом деле, пишет Ю. С. Степанов, названные в группе *activa tantum* действия представляют собой как бы постоянные, родовые характеристики активных сущностей, независимые от их *волевых усилий* (курсив наш. — Г. Ж.): чтобы быть тем, что они есть, они должны «жить», «ходить», (или «ползть»), вода должна «течь», ветер «дуть» [5, с. 35]. В отношении интересующего нас явления можно сказать, что в этой группе глагольных сочетаний личный глагол выражает изменение, процесс без активного участия субъекта. Прежде чем покажем это на примере футура, обратимся к *werden* в качестве самостоятельного глагола: чтобы стать чем-то или каким-то, некая сущность (человек, подобное ему, среда *es* в *Es wird heiß* [4]) должна иметь эту сущностную, или постоянную характеристику (т. е. способность к становлению нового признака), которая не зависит от воли и желаний этого субъекта. Как и *sein*, *werden*

способен соединять две величины в номинативе: *X wird Y*, однако они не тождественны в качествах. Первая величина — медий, в котором протекает эндогенный (*Das Korn wird reif.*) или экзогенный (*Durch Übung wird man Meister.*) процесс, другая — цель процесса, величина, в которую развивается этот медий и которая предусмотрена как результат процесса. Таким образом, в знаке *werden* имманентно присутствует идея самодвижения, саморазвития без какой бы то ни было активности (= энергии) и волитивности со стороны развивающейся величины.

Эта черта наследуется *werden* в составе футура, где уже имеет место независимость от воли и желаний говорящего. По точной характеристике Х. Бринкмана, «выбор футура в немецком языке зависит не от того, падает ли подразумеваемый процесс на будущее, а от *установки* (курсив наш. — Г. Ж.) говорящего. [...] Футур используется не потому, что событие еще не совершилось, а потому, что говорящий это событие, ожидая, предвидит» [6, с. 332]. И именно медиальный характер *werden* в составе футура — глагол восходит к индоевропейскому *media tantum* «вертеться» (санскр. *varatati*, лат. *vertere*, ср. рус. «веретено») и отражает естественный ход события — отвечает за то, что ожидаемое в своем наступлении рассматривается как не зависящее от воли и желаний говорящего:

«Merkwürdiges Wetter», sagte sie, «für September. Heute mittag wird es wieder heiß sein, aber jetzt friert man.»

«Ja», sagte ich, «merkwürdig, morgens ist es kalt.» [17, с. 34].

Неакцентирование волевого, интенционального начала и, напротив, «высвечивание» «телесной» ипостаси человека в виде физического движения характерно и для сложных глагольных структур с глаголами движения в качестве стержневых: *kommen, gehen*.

Как известно, каузативный *lassen*, заменив вышедшие из этого употребления *tun* и *machen*, присоединяет немаркированный инфинитив (в отличие от его гипонимов и синонимов *bitten, zwingen, (jemanden dazu) bringen* и др.). Этому явлению тоже есть объяснение. По словам Г. Пауля, первоначально *lassen* выражал состояние бездеятельности, неудержания предмета, непредотвращения движения или процесса [14, с. 361]. Значение такой пермиссивности имплицитно неагентивность, неактивность субъекта. В сочетании с инфинитивом значение *lassen* претерпевает переход от «zu-

lassen» к «veranlassen, bewirken», имевший место сначала в тех случаях, где подчеркивался процесс, не основанный на волевом акте. Видимо, по аналогии с первоначальным значением *zu* отсутствует перед инфинитивом и в фактивных, т. е. побудительных контекстах.

В отличие от группы модальных глаголов *beabsichtigen, hoffen, planen, versuchen, sich wehren, beschließen, glauben, zögern, bitten*, сочетающиеся с *zu*-инфинитивом, имеют ярко выраженный активный характер в том смысле, что человек выступает в них как 'дух'. Здесь важно не «телесное» состояние субъекта, а его ментальное внутреннее действие, активность, исходящая от самого субъекта, волитивность, подкрепляемые *zu*, который указывает на «цель, достижение которой означает изменение в положении по сравнению с настоящим» [6, с. 265].

Другую группу глаголов, присоединяющих *zu*-инфинитив, образуют статичные по природе глаголы, не имеющие модальных оттенков: *sein, haben, bleiben, stehen*, ср.:

Ich war doch seit Jahren nicht mehr schwimmen [18, с. 4]. — ... *und der Deutsche ... war nicht mehr zu stoppen* [19, с. 8].

Die beiden blieben mitten auf dem Weg stehen [22, с. 20]. — *Eine letzte Bemerkung zu unserem Vorgehen bleibt zu machen* [23, с. 17].

So, Herr Dombrowski, ich habe zwar Ihren Lebenslauf vor mir liegen, möchte aber ganz gerne noch von Ihnen hören ... [24, с. 141]. — *Wir haben die Sache selbst zu regeln* [19, с. 105].

Однако присутствие *zu*, указывающее на направление по отношению к инфинитивному компоненту как определенной цели, придает статической ситуации модальный характер, и *zu* выполняет не разъединяющую, а объединяющую функцию, в результате чего структуры воспринимаются как единство. В отличие от модальных глаголов с немаркированным инфинитивом, делающих упор прежде всего на модально обусловленное состояние субъекта, здесь речь идет о необходимости/возможности совершения действия, о призыве к активности субъекта. Данные конструкции имплицитно подразумевают наличие агентивного субъекта-человека, не обязательно представленного на поверхности:

...dass die Gäste ihren Anmarsch zur Villa durch eine Hitze zu machen hatten [27, с. 63]. (der Handelnde — die Gäste)

Die Anmeldung hat sofort (durch den Vorstand) zu erfolgen [16, s. 28].

— в персонифицированном отглагольном существительном *Anmeldung* прочитывается действующее лицо «einer, der sich oder etwas anmeldet», уточненное сочетанием «durch den Vorstand»: → *Der Vorstand hat etwas sofort anzumelden.*

Brauchen в сочетании с отрицательными и ограничительными словами (*nicht, nur, kein*) преимущественно присоединяет маркированный инфинитив, что идет от первоначального значения «нуждаться в чем-то для чего-то». Однако в разговорной речи наблюдается тенденция опускать *zu*, на основании чего можно высказать предположение, что *brauchen* постепенно втягивается в общую модель сочетаний с модальными глаголами:

Gut, dass ich mir solche Gedanken nicht machen brauch! [18, s. 37].

Der Robert braucht nicht arbeiten [24, s. 412].

Круг глаголов с маркированным инфинитивом на современном этапе очень широк. Часто значение удаленности инфинитивного процесса от процесса финитного глагола, несмотря на *zu*, нейтрализуется, ср.:

Ich begriff plötzlich, dass sie sich wirklich freuen, mich zu sehen [17, s. 18].

Ich freute mich darauf, im Bodensee zu schwimmen [22, s. 39].

Здесь *zu* не в состоянии передать четкую дифференциацию двух ситуаций, на помощь ему приходит местоименный коррелят. Однако интерпретация финитных глаголов как «духовно»-акциональных сохраняется.

Отличие в предпочтении инфинитивной конструкции с *zu* или придаточного с *dass* — там, где конкуренция между ними возможна, — В. Вильманс видит, на наш взгляд, вполне справедливо, в значении *zu* и *dass*: «Предложение с *dass* мы должны употреблять там, где между управляющим субъектом и зависимым глаголом властвует холодное отношение чистой объективности, инфинитив с *zu* допустим в тех случаях, когда вмешивается личностный, субъективный момент» [15, s. 133]. Именно поэтому у слушающего/читателя больше оснований усомниться в искренности утверждаемого при восприятии им предложения *Plötzlich kam noch ein Mann hinzu, behauptete, mit ihr verehlicht zu sein* [22, s. 109], чем аналогичного с союзом *dass*. Кроме того, при определенных глаголах допускаются отглагольные существительные (*sich auf das Wiedersehen freuen, seine Unschuld behaupt-*

en). Холистичность последних [12, с. 51], а также dass-предложений (союз dass вышел из указательного местоимения на объект) создает их более объективный характер, отвлеченный от каких-либо субъективных моментов. И наоборот, инфинитивные конструкции с zu сигнализируют о присутствии фактора человека.

Сфера действия инфинитива существенно расширилась с утверждением инфинитива перфекта. Сегодня после целого ряда глаголов (gestehen, bereuen, sich ärgern) употребляется Infinitiv Perfekt с zu, где zu сохраняет идею направленности, субъективного характера всей структуры и агентивности субъекта. Но в результате присутствия второго причастия с признаком [+Rückschau/ретроспектива] исходное направление →• получает как бы зеркальное отражение: •←-. Партицип 2, будучи маркированным членом в оппозиции с инфинитивом, меняет дирекциональность (лат. *directio* — направление) с чего-то предстоящего на нечто завершенное, предшествующее.

И наконец, наблюдается определенная закономерность в сигнализации предшествующего события сложными глагольными структурами с немаркированным инфинитивом и с маркированным инфинитивом. В первых для обозначения завершенности некоторого процесса достаточно формы причастия 2. Ретроспективная семантика стержневых глаголов сочетаний с приинфинитивным zu, напротив, коррелирует с инфинитивом перфекта, ср.:

а) *Als er mit der Arbeit fertig war und ausblickte, sah er zwei große febrige Augen auf sich gerichtet* [21, с. 125] → *...sah er zwei ... Augen auf sich gerichtet haben.

б) *...und weil Alfred damals nachträglich bedauerte, abgelehnt zu haben, sagte er jetzt zu* [26, с. 84] → *...bedauerte abgelehnt.

Таким образом, в сложных глагольных структурах с маркированным инфинитивом zu функционирует:

а) как показатель «духовной» акциональности, деятельности (прежде всего человека) и направленности, или векторности (мыслей, желаний, решений, эмоций, т. е. внутренних действий) на инфинитивный процесс как конечную цель этой активной дирекциональности;

б) как показатель ситуации, в которой есть действующее волевое лицо, 'человек как дух'.

В том, что в конкуренции с голым инфинитивом при anfangen / beginnen победил маркированный инфинитив, прочитывается первоначальное активное значение «angreifen» и агентивная трактовка субъекта. Поначалу anfangen широко использовался в контекстах, в которых речь шла о целенаправленном активном проявлении человека, деятельном предприятии чего-то («tätiges Angreifen, Unternehmen»: eine Arbeit, einen Krieg anfangen) [14, s. 24]. Эта черта проявляется еще сегодня в возможности элиминации инфинитива от глаголов действия: *...in 14 Tagen mit dem Unterricht zu beginnen (=anfangen)* [22, s. 133], в пассивизации фазового глагола: *In 12 Meter Tiefe wurde der neue Schacht begonnen* [25, s. 17] и в недопустимости инфинитива пассива во второй части конструкции: **Das Haus begann letztes Jahr gebaut zu werden*.

Итеративный pflegen в конструкции с маркированным инфинитивом также произведен от волитивного pflegen с агентивным субъектом. В словарных дефинициях акционального глагола в самостоятельном употреблении неизменно присутствует элемент цели деятельности: «заботиться о ком-то (больном, немощном) с целью привести его в хорошее состояние», «принимать необходимые меры для сохранения чего-то (Sprache / Kontakte pflegen)» [9, s. 1144]. В результате волитивно-акциональной семантики (действовать с определенной целью) pflegen в конструкции с инфинитивом сохраняет *zu*.

Scheinen наследует в своей семантике каузативный компонент «sich zeigen», что можно интерпретировать, как некая ситуация в восприятии познающего представляет себя в определенном ракурсе с целью вызвать у воспринимающего нужное впечатление. Онтологически это может быть предмет, а в языке он выступает как активная сила.

Таким образом, противопоставление сложных глагольных структур с немаркированным и маркированным инфинитивом идет по дихотомии «статичность/процессуальность — сознательная акциональность». В первом виде структур субъект предстает как пассивное или псевдоактивное существо (в частности, человек в ипостаси ‘человек как тело’), во втором — как активно и сознательно действующее (внешне или внутренне), целеполагающее существо с интенциями, волей, умом, эмоциями, речью (в частности, человек в ипостаси ‘человек как дух’). В структурах с *zu* акцент делается на зави-

симости инфинитивной пропозиции (обозначаемого инфинитивом и его зависимыми словами положения дел) от волевых усилий и желаний субъекта / говорящего, в то время как компонент «волевое/интенциональное участие субъекта/говорящего» в структурах без *zu* не предусмотрен. Схематично субъектно-предикатные отношения в предложениях с инфинитивным *zu* можно изобразить так: Субъект → •, где '→' — личный глагол с семой '+направленность', '•' — инфинитив как цель направленности деятельности. Как следствие направленности, векторности, глагольное сочетание в структурах с *zu* выступает как часть субъекта, и этим можно объяснить его тесную связь с субъектом. И напротив, для структур без *zu* характерно разграничение субъекта и инфинитива, их большая взаимная независимость. Для наличия приинфинитивного *zu* после *pflegen*, *scheinen*, *beginnen* и, напротив, его отсутствия после модальных глаголов, *lassen* решающими оказываются категориальные признаки первоначальных значений лексем: целенаправленная акциональность vs. статичность выражаемого ими глагольного процесса, активность/агентивность vs. пассивность субъекта. В завершение основные выводы представим в виде таблицы:

Сложные глагольные структуры без <i>zu</i>	Сложные глагольные структуры с <i>zu</i>
<ul style="list-style-type: none"> • Статичность / процессуальность (проявление псевдоактивности как родовой характеристики субъекта) • Субъект как пассивное или псевдоактивное существо, волевое участие которого в действии финитного глагола не предусмотрено • Инфинитив без <i>zu</i> обозначает не зависящее от <i>волевых усилий и желаний</i> субъекта / говорящего положение дел • Разграничение субъекта и инфинитивной ситуации → «объективность» структур 	<ul style="list-style-type: none"> • Сознательная («духовная») акциональность • Субъект как активно и сознательно действующее, целеполагающее существо с интенциями, волей, умом, эмоциями, речью • Инфинитив с <i>zu</i> обозначает зависящее от <i>волевых усилий и желаний</i> субъекта / говорящего положение дел • Субъект → • <p>Нет разграничения субъекта и инфинитивной ситуации ('+направленность') → «субъективность» структур</p>

* * *

1. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955. 391 с.

2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 447 с.

4. Петунин В. С. Семантика безличного *es* в функции подлежащего (немецкий язык) // Человек. Культура. Образование. 2015. № 3 (17).

5. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989. 248 с.

6. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1971.

7. Dal I. Kurze deutsche Syntax auf historischer Grundlage. Tübingen, 1962.

8. Diewald G. Die Modalverben im Deutschen: Grammatikalisierung und Polyfunktionalität. Tübingen, 1999. 464 S.

9. Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim, Wien, Zürich, 1989. 1816 S.

10. Duden “Grammatik der deutschen Gegenwartssprache”/hrsg. und bearb. von G. Drosdowski in Zusammenarbeit mit P. Eisenberg. 5., völlig neu bearb. und erw. Aufl. — Mannheim, Leipzig, Zürich: Dudenverlag, 1995. (Der Duden; Bd. 4). 864 S.

11. Eisenberg P. Zum Kontrollproblem im Deutschen: Infinitivkomplemente bei Wahrnehmungsverben// Pragmntax. Akten des 20. Linguistischen Kolloquiums Braunschweig 1985. Tübingen, 1986. S.37—45.

12. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin, New York: de Gruyter, 1992. 334 S.

13. Mackensen L. Ursprung der Wörter. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Wiesbaden. 446 S.

14. Paul H. Deutsches Wörterbuch. Halle/Saale, 1961. 781 S.

15. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. 3. Abteilung: Flexion. 1. Hälfte: Verbum. 1. und 2. Auflage. Strassburg, 1906. 315 S.

Список источников иллюстративных примеров

16. Askedal J. O. Über SCHEINEN als Modalitätsverb im gegenwärtigen Deutsch//Festschrift für Laurits Saltveit, hg. v. J. Askedal. Oslo, 1983. S. 30—39.
17. Böll H. Und sagte kein einziges Wort. Erzählungen. Moskau, 1958. 314 S.
18. Brons-Albert R. Gesprochenes Standarddeutsch. Telefondialoge. Tübingen: Narr, 1984. 196 S.
19. Frisch M. Homo faber. Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1957. 203 S.
20. Kästner E. Ausgewählte Prosa und Gedichte. Moskau: Verlag Raduga, 1985. 470 S.
21. Kellermann B. Das Blaue Band. Moskau: Tsitadel, 2001. 350 S.
22. Köhlmeier M. Bleib über Nacht. Zürich: Piper, 1993. 238 S.
23. Litvinov V., Nedjalkov V. Resultativkonstruktionen im Deutschen. Tübingen: Narr, 1988. 230 S.
24. Redder A., Ehlich K. (Hg) Gesprochene Sprache: Transkripte und Tondokumente. Tübingen: Niemeyer, 1994. 423 S.
25. Super ILLU/Zeitschrift. 25.01.2001.
26. Walser M. Die Verteidigung der Kindheit. Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1991. 520 S.
27. Walser M. Ehen in Philippsburg. Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1985. 344 S.